

Звезды у Бунина не просто деталь пейзажа – они символ. Через них соединяются времена, пространства, божественное и земное. В них мистически-таинственный смысл, и они являются в наиболее важные, драматические моменты: любовное объяснение, последнее свидание, смерть, размышления о смысле жизни, о Боге... Часто описанием звезд рассказ заканчивается: “Танька”, “Птицы небесные”, “Кастрюк”, “Поздний час”, “Братья”, “Обуза”, “Ночь” и др. В звездах – вселенская, не постижимая человеческим разумом связь всего со всем: отсюда повторяющийся в разных рассказах образ хрустальных нитей, льющихся к земле (“Ночь”, “Птицы небесные”, “Море богов”). Образ противоречивый, ибо одновременно дает ощутить и пропасть между земным и Божеским: “Треугольником дрожащего расплавленного золота висела там Венера. Марс и Арктур искрились высоко на западе. И все звезды, мелкие и крупные, так отделялись от бездонного неба, так были ярки и чисты, что золотые хрустальные нити текли от них чуть не до самых снегов, отражавших их блеск”.

И сразу переход на земное, как своеобразный прием контраста между земным и небесным, преходящим и вечным: “Горели огни по избам на селе, петухи как бы убаюкивали нежноусталый склоняющийся полумесяц. И с звонким скрипом, с визгом въезжала в ворота знакомая тройка – вся серо-кучерявая от инея, с белыми пушистыми ресницами. И рядом – тема смерти, которая часто возникает при описании звезд: “Когда студент подбежал к саням, мать и кучер в один голос крикнули ему, что на знаменской дороге лежит мертвое тело” (“Птицы небесные”).

В рассказе “Игнат” “над темной каймой леса поднимается большой красный Марс”, предвещающая кровавую развязку – измену, убийство.

Тот же контраст между темным и космическим, сиюминутным и вечным, соизмеримым и неизмеримым – в повести “Суходол”: “А ночи, темные, теплые, с лиловыми тучками, были спокойны, спокойны. Сонно бежал и струился лепет сонных тополей. Зарница осторожно мелькала над темным Трошиным лесом – и тепло, сухо пахло дубом. Возле леса, над равнинами овсов, на прогалине неба среди туч, горел серебряным треугольником, могильным голубцом Скорпион”. Малое и необозримое, зерна Волопаса и обычная деревенская мельница, какой-то безвестный Трошин лес и созвездие Скорпиона, озаряющее полмира.

В рассказе “Кастрюк” звезды для крестьянина – олицетворение Божьих сил: “А когда лошади спокойно вникли в корм и прекратилась возня улегшихся рядышком ребятишек, смех над коростелью, которая так скрипит, что дергает нога об ногу, дед постлал себе у межи полушубок, зипун и с чистым сердцем, с благословением стал на колени и долго молился на темное, звездное, прекрасное небо, на мерцающий Млечный Путь – светлую дорогу ко граду Иерусалиму.”